

UDC(UO‘K,УДК):811.111'42+811.161.1'42

**ВЫРАЖЕНИЕ ЭМПАТИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ
ДИСКУРСАХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ²⁴****Бабаева Ирада Сабировна**

Независимый исследователь,

Узбекский государственный университет

мировых языков

Ташкент, Узбекистан

E-mail: iradanka82@mail.ru<https://orcid.org/0009-0000-1983-9883>**АННОТАЦИЯ**

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу языковых средств выражения эмпатии в англоязычном и русскоязычном дискурсах в лингвокультурологическом аспекте. Эмпатийная коммуникация рассматривается как сложное многоуровневое явление, обусловленное национально-культурной спецификой языковых сообществ и отражающее базовые ценностные установки носителей языка. В работе анализируются лексические, грамматические и прагматические средства реализации эмпатии в обоих языках, исследуется их функционирование в различных типах дискурса – бытовом, профессиональном и институциональном. Методологическую основу исследования составляют принципы лингвокультурологии, коммуникативной прагматики и теории дискурса. Особое внимание уделяется межкультурным различиям в интерпретации и реализации эмпатийных высказываний, что имеет существенное значение для теории и практики межкультурной коммуникации. Установлено, что русскоязычный дискурс тяготеет к прямому, эмоционально насыщенному выражению сочувствия и участия, тогда как англоязычный дискурс демонстрирует большую степень конвенциональности, опосредованности и соблюдения коммуникативной дистанции. Полученные результаты вносят вклад в развитие лингвокультурологии, прагматики и теории дискурса, а также могут найти практическое применение в преподавании иностранных языков и обучении межкультурному общению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

эмпатийная коммуникация, лингвокультурология, язык и культура, коммуникативное поведение, межкультурная коммуникация, прагматика, дискурс, национально-культурная специфика, ценности.

Received: January 30, 2026**Accepted:** February 26, 2026**Available online:** May 10, 2026

²⁴ **For citation (Iqtibos keltirish uchun, для цитирования):**

Бабаева И. Выражение эмпатии в английском и русском дискурсах в лингвокультурологическом аспекте. // Komparativistika (Comparative Studies). — 2026. — Vol.3, № 3(11) — В. 276-287.

INGLIZ VA RUS DISKURSLARIDA EMPATIYANING LINGVOMADANIY ASPEKTDI IFODALANISHI

Boboyeva Iroda Sobirovna

O‘zbekiston davlat jahon tillari universiteti
mustaqil izlanuvchisi,
Toshkent, O‘zbekiston

Elektron pochta: iradanka82@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-1983-9883>

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola ingliz va rus tillari diskurslarida empatiyani ifodalashning lisoniy vositalarini lingvomadaniy jihatdan qiyosiy tahlil qilishga bag‘ishlangan. Unda empatiyaviy muloqot til jamoalarining milliy-madaniy o‘ziga xosligi bilan belgilanadigan hamda til egalarining asosiy qadriyatlarini aks ettiruvchi murakkab, ko‘p bosqichli hodisa sifatida ko‘rib chiqiladi. Tadqiqotda har ikki tilda empatiyani ifodalashning leksik, grammatik va pragmatik vositalari tahlil qilinib, ularning maishiy, kasbiy va institutsional kabi turli diskurslardagi qo‘llanilishi o‘rganiladi. Lingvomadaniyatshunoslik, kommunikativ pragmatika va diskurs nazariyasi tamoyillari tadqiqotning metodologik asosini tashkil etadi. Empatiyaviy mulohazalarni talqin qilish va ifodalashdagi madaniyatlararo farqlarga alohida e‘tibor qaratilgan bo‘lib, bu madaniyatlararo muloqot nazariyasi va amaliyoti uchun muhim ahamiyatga ega. Tadqiqot natijasida rus tilidagi diskurs hamdardlik va ishtirokni bevosita, hissiy to‘yingan holda ifodalashga moyil ekani, ingliz tilidagi diskurs esa an’anaviylik, bilvositalik va kommunikativ masofani saqlashga ko‘proq intilishi aniqlandi. Olingan natijalar lingvomadaniyatshunoslik, pragmatika va diskurs nazariyasining rivojlanishiga hissa qo‘shadi, shuningdek, chet tillarini o‘qitish va madaniyatlararo muloqotga o‘rgatishda amaliy ahamiyat kasb etishi mumkin.

KALIT SO‘ZLAR

empatiyaviy muloqot, lingvomadaniyatshunoslik, til va madaniyat, kommunikativ xulq-atvor, madaniyatlararo muloqot, pragmatika, diskurs, milliy-madaniy o‘ziga xoslik, qadriyatlar.

**THE EXPRESSION OF EMPATHY IN ENGLISH AND RUSSIAN
DISCOURSE: A LINGUACULTURAL PERSPECTIVE**

Babayeva Irada Sabirovna

Independent researcher

Uzbekistan State World Languages University

Tashkent, Uzbekistan

E-mail: iradachka82@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0000-1983-9883>

ABSTRACT

This article is dedicated to a comparative analysis of the linguistic means of expressing empathy in English and Russian discourse from a linguocultural perspective. Empathic communication is examined as a complex, multilevel phenomenon conditioned by the national and cultural specificity of linguistic communities and reflecting the core values of their speakers. The paper analyzes the lexical, grammatical, and pragmatic means of realizing empathy in both languages, investigating their function in various types of discourse: everyday, professional, and institutional. The methodological framework of the study is based on the principles of linguoculturology, communicative pragmatics, and discourse theory. Particular attention is paid to intercultural differences in the interpretation and realization of empathic utterances, which is of considerable importance for the theory and practice of intercultural communication. It is established that Russian-language discourse tends toward direct, emotionally charged expressions of sympathy and involvement, whereas English-language discourse demonstrates a greater degree of conventionality, indirectness, and maintenance of communicative distance. The results contribute to the development of linguoculturology, pragmatics, and discourse theory, and may also have practical applications in foreign language teaching and intercultural communication training.

KEYWORDS

empathic communication, linguoculturology, language and culture, communicative behavior, intercultural communication, pragmatics, discourse, national-cultural specificity, values.

ВВЕДЕНИЕ

В современной антропоцентрической лингвистике особое место занимают исследования, направленные на изучение эмоционально-экспрессивной стороны языка и речи. Среди множества коммуникативных феноменов эмпатия занимает особое положение, поскольку она затрагивает глубинные пласты человеческого взаимодействия – способность воспринимать эмоциональное состояние другого человека и выражать это восприятие языковыми средствами. Интерес к данной проблематике обусловлен как теоретической значимостью – разработкой принципов лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, – так и очевидной практической потребностью в оптимизации межкультурного диалога.

Изучение эмпатии как лингвистического феномена предполагает выход за пределы сугубо психологической трактовки этого понятия. По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «речь, погружённую в жизнь» (Арутюнова Н.Д., 1990, 136), а следовательно, любой коммуникативный акт, в том числе и эмпатийный, несёт в себе отпечаток культурных норм и ценностей, принятых в данном языковом коллективе. В этой связи сопоставление практик эмпатийной коммуникации в английском и русском языках открывает возможности для выявления как универсальных, так и национально-специфических закономерностей.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, возрастающим вниманием лингвистической науки к эмоциональному измерению коммуникации; во-вторых, недостаточной разработанностью сопоставительного аспекта эмпатийного дискурса применительно к английскому и русскому языкам; в-третьих, практическими запросами межкультурной коммуникации, где неверная интерпретация эмпатийных сигналов нередко становится источником коммуникативных сбоев. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, *«язык – это зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет»* (Тер-Минасова С.Г., 2000, 14).

Целью статьи является выявление и сопоставление основных языковых средств выражения эмпатии в англоязычном и русскоязычном дискурсах с позиций лингвокультурологии и коммуникативной прагматики. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: уточнение понятия эмпатии применительно к лингвистическому исследованию; описание системы лексических, грамматических и прагматических средств реализации эмпатии в каждом из языков; проведение сопоставительного анализа выявленных средств с учётом национально-культурной специфики;

формулировка выводов об особенностях эмпатийной коммуникации в двух лингвокультурах.

Материалом исследования послужили примеры из художественных текстов, диалогических единств разговорной речи, а также материалы консультативного и терапевтического дискурса. Методология исследования включает сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, метод прагматической интерпретации высказывания, а также методы лингвокультурологического описания.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Понятие эмпатии (от греч. *empathēia* – сопереживание) вошло в научный обиход из психологии и первоначально использовалось для обозначения способности человека воспринимать внутренний мир другого, отождествляя себя с ним. В лингвистике данное понятие обрело самостоятельный статус в контексте антропоцентрической парадигмы и получило разработку в рамках прагматики, теории дискурса, лингвокультурологии и социолингвистики.

В теории речевой деятельности А.А. Леонтьева подчёркивается, что коммуникация – это «не передача информации, а взаимное понимание» (Леонтьев А.А., 1997, 74). Именно эмпатия обеспечивает это взаимопонимание на эмоциональном уровне: говорящий не просто сообщает нечто собеседнику, но и демонстрирует готовность «разделить» его эмоциональное состояние, что реализуется посредством специфических языковых и речевых механизмов.

В лингвокультурологической концепции В.И. Карасика язык рассматривается как «средство и продукт культуры» (Карасик В.И., 2002, 103), а языковая личность – как носитель культурных ценностей, транслируемых в том числе через речевое поведение. С этой точки зрения, эмпатийная коммуникация предстаёт как культурно детерминированная система речевых действий, закреплённых в дискурсивных практиках того или иного языкового сообщества.

В прагматике исследование эмпатии тесно связано с теорией вежливости П. Брауна и С. Левинсона, в рамках которой вежливость трактуется как система стратегий, направленных на защиту «лица» (face) участников общения (Brown P., Levinson S.C., 1987, 61). Эмпатийные высказывания в данной концепции функционируют как инструменты положительной вежливости (positive politeness), поскольку они подтверждают солидарность говорящего с адресатом, удовлетворяя его потребность в одобрении и поддержке.

Г. Лич в своей теории принципов прагматики выделяет принцип симпатии (sympathy maxim), согласно которому следует «максимизировать

симпатию между собой и другим» (Leech G.N., 1983, 132). Именно этот принцип лежит в основе эмпатийной коммуникации, хотя конкретные способы его реализации существенно варьируются от культуры к культуре.

А. Вежбицка, исследуя национально-культурную специфику эмоций, приходит к выводу о том, что «каждая культура обладает своим "эмоциональным словарём", отражающим специфику мировосприятия данного народа» (Wierzbicka A., 1991, 287). Это положение имеет принципиальное значение для сопоставительного изучения эмпатии: универсальность самого феномена сопровождается культурной вариативностью его языковой репрезентации.

Значимым для настоящего исследования является также понятие коммуникативного поведения, введённое И.А. Стерниним: «совокупность норм и традиций общения народа» (Стернин И.А., 1996, 98), определяющая, что, когда и как принято говорить в тех или иных коммуникативных ситуациях. Нормы эмпатийного поведения составляют органическую часть национального коммуникативного поведения и отражают как ценностные приоритеты культуры, так и прагматические конвенции речевого взаимодействия.

Англоязычная культура принадлежит к типу культур с высоким индексом индивидуализма (*high individualism index*), что оказывает непосредственное влияние на характер и способы выражения эмпатии в дискурсе. Здесь особую роль играет принцип невмешательства в личную сферу адресата: выражение сочувствия строится таким образом, чтобы, с одной стороны, обозначить эмоциональную солидарность, с другой – не нарушить границы автономии собеседника.

На лексическом уровне англоязычный дискурс располагает разветвлённой системой формул соболезнования и сочувствия: *I'm so sorry to hear that; I can imagine how you feel; That must be really hard; I understand what you're going through; My heart goes out to you*. Характерно, что большинство этих формул имеют модальный характер: говорящий лишь «допускает» переживание определённого эмоционального состояния собеседником (*I can imagine, that must be*), не претендуя на безусловное понимание. Такая прагматическая сдержанность отражает культурную норму уважения к личному пространству (*face wants of autonomy*).

На грамматическом уровне показательное использование модальных глаголов (*must, can, might*), условных конструкций (*if there is anything I can do...*), а также сослагательного наклонения, создающих эффект осторожности и тактичности. Д. Таннен, анализируя гендерные и культурные аспекты коммуникации, указывает, что в американской культуре «предложение

помощи воспринимается как поддержка, а не вмешательство, только если оно сформулировано в неопределённой форме» (Tannen D., 1990, 52).

На прагматическом уровне в англоязычном дискурсе широко представлены следующие стратегии эмпатии: стратегия «активного слушания» (*I hear you; I see what you mean; Right...; Absolutely*); стратегия «нормализации» ситуации (*It happens to the best of us; Anyone would feel the same way*); стратегия «перспективирования» (*I would feel the same in your position*); стратегия «деятельной поддержки» (*Let me know if you need anything*).

Р. Сколлон и С. Сколлон обращают внимание на то, что в западной, прежде всего англо-американской, культуре «демонстрация независимости и уважения к личной автономии является важнейшим условием поддержания гармоничных отношений» (Scollon R., Scollon S.W., 1995, 37). Это обуславливает относительно формализованный характер эмпатийных выражений, их высокую степень конвенциональности и нередкую замену прямого выражения сочувствия косвенными речевыми актами – вопросами о самочувствии, предложениями практической помощи и т.д.

Русскоязычная лингвокультура принадлежит к коллективистскому типу культур с ориентацией на интенсивное межличностное взаимодействие, что формирует иную, по сравнению с англоязычной, модель эмпатийной коммуникации. Русское коммуникативное поведение характеризуется открытостью эмоционального самовыражения, высокой степенью включённости в переживания собеседника и готовностью к прямому разделению горя или радости.

На лексическом уровне русский язык располагает богатейшим арсеналом слов, обозначающих сочувствие и сопереживание: жалеть, сострадать, переживать, душа болит, сердце щемит, как же тебе досталось. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров указывают, что «слово в его культурно-коннотативном значении является хранителем "культурной памяти" народа» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1990, 71). В этом отношении русские лексемы сострадание, соболезнование, участие содержат культурный компонент совместного переживания (со-), отсутствующий в большинстве их английских эквивалентов.

Типичные формулы эмпатии в русском дискурсе включают: *Как тебе тяжело!; Бедненький ты мой!; Ну как же так?!; Я тебя так понимаю!; Ничего, всё будет хорошо!; Держись!; Не расстраивайся; Это ужасно, я не могу представить, как ты*. Показательно, что в отличие от английских аналогов, эти формулы нередко содержат прямую оценку ситуации, уменьшительно-ласкательные суффиксы и восклицательную интонацию как маркеры эмоциональной включённости.

На грамматическом уровне особую роль играет использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (-еньк-, -очк-, -ик-, -чик-), посредством которых осуществляется сближение с адресатом на эмоциональном уровне: горемыка, бедняжка, родненький, солнышко. Кроме того, широко используются обращения с местоимением первого лица множественного числа – «Ну что, как мы себя чувствуем?» – что создаёт эффект разделённого переживания.

Н.И. Формановская подчёркивает, что в русском речевом этикете «выражение сочувствия и сострадания составляет неотъемлемую часть нормального общения» (Формановская Н.И., 2002, 147), причём отсутствие эмпатийных реакций воспринимается как нарушение коммуникативной нормы и оценивается негативно – как чуждость, бесчувственность или безразличие.

На прагматическом уровне в русскоязычном дискурсе доминируют стратегии «эмоционального вовлечения», «утешения через разделение» и «деятельного участия». С.Г. Воркачëв отмечает, что «концепт счастья в русской лингвокультуре неразрывно связан с идеей духовной близости и совместного переживания» (Воркачëв С.Г., 2001, 68), что обуславливает коллективный характер эмпатийного поведения: горе принято «делить» с другими, что лингвистически отражается в специфических конструкциях совместного переживания.

Проведённый анализ позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия в системах выражения эмпатии в англоязычном и русскоязычном дискурсах. К числу универсальных характеристик относятся: наличие конвенциональных формул сочувствия; функционирование эмпатии как инструмента поддержания межличностных отношений; обусловленность выбора эмпатийных стратегий социальным контекстом.

Между тем национально-культурная специфика двух дискурсов проявляется по нескольким ключевым параметрам, которые представлены в таблице 1.

Данные, представленные в таблице, наглядно демонстрируют системный характер различий в моделях эмпатийной коммуникации двух лингвокультур. Особого внимания заслуживает колонка «Риск коммуникативного сбоя»: носитель русской культуры, воспринимающий сдержанные формулы английского сочувствия, нередко оценивает их как недостаточно искренние или формальные, тогда как носитель английской культуры может воспринять прямую, эмоционально-насыщенную русскую эмпатию как нарушение личных границ.

Таблица 1. Сопоставительная характеристика средств выражения эмпатии в англоязычном и русскоязычном дискурсах

Параметр сравнения	Английский дискурс	Русский дискурс
Тип культуры	Индивидуалистическая (high individualism)	Коллективистская (high collectivism)
Коммуникативная дистанция	Относительно большая; автономия адресата	Малая; включённость в переживание
Способ выражения	Преимущественно косвенный, конвенциональный	Преимущественно прямой, эмоционально насыщенный
Лексические средства	I'm sorry; I understand; That must be hard; My heart goes out to you	Бедненький; Как тебе тяжело!; Я так тебя понимаю; Держись!
Грамматические средства	Модальные глаголы (must, can); условные конструкции; сослагательное наклонение	Уменьшительно-ласкательные суффиксы; восклицательные предложения; «со»-конструкции
Прагматические стратегии	Активное слушание, нормализация, неопределённое предложение помощи	Эмоциональное вовлечение, утешение через разделение, деятельное участие
Роль невербальных компонентов	Менее выражена; физический контакт ограничен	Более выражена; объятия, тактильный контакт нормативны
Культурная ценность	Уважение к личному пространству; сдержанность	Душевность; соборность; разделение горя
Риск коммуникативного сбоя	Восприятие как «холодности» носителем русской культуры	Восприятие как «навязчивости» носителем английской культуры

Описанные различия находят объяснение в концепции Р. и С. Сколлон о «системах вежливости»: «разные культуры практикуют разные стратегии позитивной и негативной вежливости, и эти различия непосредственно влияют на характер коммуникативного взаимодействия» (Scollon R., Scollon

S.W., 1995, 43). В английской коммуникативной культуре доминирует негативная вежливость (уважение автономии), тогда как в русской – позитивная (выражение солидарности и близости), что определяет различные способы реализации эмпатийного импульса.

Показательно также, что в русскоязычном дискурсе эмпатийные высказывания нередко сопровождаются оценочными суждениями и советами, которые в англоязычной культуре могут восприниматься как давление. Кóннот К. Годдар и А. Вежбицка справедливо указывают на то, что *«культурные сценарии определяют уместность тех или иных речевых действий в конкретных ситуациях»* (Goddard C., Wierzbicka A., 1994, 141), а следовательно, прямой перенос эмпатийных стратегий из одной лингвокультуры в другую чреват непониманием и коммуникативными неудачами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое сопоставительное исследование средств выражения эмпатии в англоязычном и русскоязычном дискурсах позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, эмпатийная коммуникация является универсальным явлением, присущим всем языковым культурам, однако её конкретные реализации детерминированы национально-культурными ценностями, коммуникативными нормами и прагматическими конвенциями каждого языкового сообщества.

Во-вторых, в англоязычном дискурсе эмпатия реализуется преимущественно через косвенные, конвенционально закреплённые формулы с использованием модальных глаголов и условных конструкций, что отражает ценность индивидуализма, личной автономии и невмешательства в приватное пространство адресата. В русскоязычном дискурсе эмпатия выражается прямо, эмоционально насыщено, с использованием уменьшительно-ласкательной лексики, восклицательных конструкций и стратегий разделённого переживания – в соответствии с культурными ценностями коллективизма, душевности и соборности.

В-третьих, выявленные различия создают реальный потенциал для межкультурных коммуникативных сбоев: русскоязычные участники коммуникации склонны воспринимать сдержанность английских эмпатийных формул как холодность и безразличие, тогда как англоязычные коммуниканты могут расценивать прямолинейность и эмоциональную интенсивность русскоязычных выражений эмпатии как навязчивость или нарушение личных границ.

В-четвёртых, полученные результаты имеют как теоретическую ценность – для развития лингвокультурологии, коммуникативной прагматики и теории дискурса, – так и прикладное значение: в методике преподавания иностранных языков, подготовке специалистов в области межкультурной коммуникации и переводоведения.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы, включением данных корпусной лингвистики, а также с изучением гендерного и возрастного измерений эмпатийной коммуникации в обеих лингвокультурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136–137.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
3. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64–72.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
6. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Наука, 1996. – С.97–112.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
8. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
9. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
10. Goddard C., Wierzbicka A. Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings. – Amsterdam: John Benjamins, 1994. – 510 p.
11. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.
12. Scollon R., Scollon S.W. Intercultural Communication: A Discourse Approach. – Oxford: Blackwell, 1995. – 273 p.
13. Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. – New York: Ballantine Books, 1990. – 330 p.

14. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (pp. 136–137). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1990). *Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: Stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii. *Filologicheskie nauki*, (1), 64–72.
4. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: Lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena.
5. Leontiev, A. A. (1997). *Psikhologiya obshcheniya*. Moscow: Smysl.
6. Sternin, I. A. (1996). Kommunikativnoe povedenie v strukture natsional'noy kul'tury. In *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* (pp. 97–112). Moscow: Nauka.
7. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Moscow: Slovo.
8. Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: Kommunikativno-pragmatischeskiy podkhod*. Moscow: Russkiy yazyk.
9. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Goddard, C., & Wierzbicka, A. (1994). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam: John Benjamins.
11. Leech, G. N. (1983). *Principles of pragmatics*. London: Longman.
12. Scollon, R., & Scollon, S. W. (1995). *Intercultural communication: A discourse approach*. Oxford: Blackwell.
13. Tannen, D. (1990). *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York: Ballantine Books.
14. Wierzbicka, A. (1991). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter.